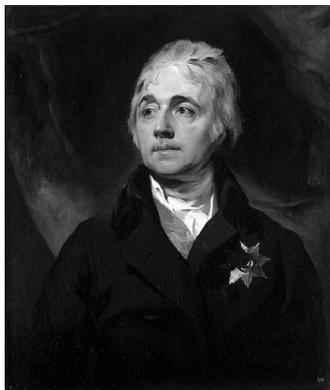

Наталья АБАКУМОВА-ЗАБУНОВА

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» СЕМЕН ВОРОНЦОВ

На юге Молдавии, недалеко от городов Кагул и Вулканешты, сохранилась группа памятников, воздвигнутых в честь исторических военных побед, одержанных Россией в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. Возведенные на местах сражений русской армии против войск османской Турции, они одновременно являются символом уходящих в далекие времена тесных связей русских, молдаван, украинцев и белорусов.

Напомним, что причиной этой войны было стремление Турции помешать России решить черноморскую проблему. По-

водом же к началу военных действий послужила Польша. В 1763 г. православный епископ Белорусский Георгий Конисский подал императрице Екатерине Великой жалобу на жестокие притеснения православных в Белоруссии, Литве, Подолии, Галиции и Волыни со стороны католиков. Екатерина II потребовала от польского правительства одинаковых прав населявших эти земли православных с католиками. Польское правительство, хотя и неохотно, но уступило требованиям России. (Пруссия также добилась тех же прав для протестантского населения.) Тогда вооруженная политическая оппозиция (конфедераты), пытавшаяся отменить решения правительства, объявила, что Россия притесняет в Польше «веру и свободу», и сумела уговорить Турцию объявить России войну.

Летом 1770 г. русская армия под командованием выдающегося полководца Петра Александровича Румянцева одержала крупные победы в сражениях при р. Ларге (7 июля), а через две недели (21 июля) – у р. Кагул, в ходе которых были разгромлены объединенные турецко-татарские силы. Успехам русских войск способствовали и помощь местного населения, и широкое участие вставших на сторону России против общего врага отрядов молдавских волонтеров.

В честь победы при Ларге в 25 км от г. Кагула в 1914 г. был установлен девятиметровый гранитный обелиск. Еще раньше, в середине XIX в. (1844-1849 гг.), на месте Кагульской битвы попечением тогдашнего генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской

области Михаила Семеновича Воронцова был воздвигнут один из наиболее величественных в России монументов, задуманный и создаваемый как памятник победам П.А. Румянцева. Находится он на окраине Вулканешт, на месте, где в центре турецких укреплений стоял роскошный шатер визиря Халил-паши.

В полукилометре от монументальной Кагульской колонны одновременно с нею был открыт еще один обелиск, относительно скромных размеров (высота иглы равна 6,5 м), но выразительный, воспроизводящий знаменитый обелиск египетской царицы Клеопатры. Этот памятник был сооружен М.С. Воронцовым в честь своего отца – Семена Романовича Воронцова (1744-1832), героически отличившегося в Кагульской битве.

В ряду громких в истории России XVII-XIX вв. династий, отмеченных родовыми чертами дарований и заслуг перед Отечеством, стоит и семейная группа Воронцовых. Однако не всем из ее членов досталось равное место на поприще общественной и государственной деятельности и одинаковая степень исторической популярности. Заслуженная деятельность одних оказалась заслоненной деятельностью более выдающихся ее представителей. Так случилось и с Семеном Романовичем Воронцовым. Он был отцом знаменитого сына – Михаила Семеновича Воронцова (1782-1856), который еще смолodu приобрел вполне заслуженную известность одного из способнейших и образованнейших генералов и правителей, а впоследствии достиг высшей степени в служебном положении – светлейший князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургской Академии наук, генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский (1823-1844), наместник на Кавказе (1844-1854).

По сравнению с яркой известностью сына имя Семена Романовича Воронцова в истории осталось полузабытым.

Воронцовы принадлежали к русскому дворянскому роду польского происхождения, предки которых в первой половине XVII в. приняли русское подданство. Дед С.Р. Воронцова, современник Петровского времени Илларион Гаврилович Воронцов (1671-1750), статский советник и ростовский воевода, имел трех сыновей: Романа, Михаила и Ивана. Михаил Илларионович - известный государственный деятель эпохи императрицы Елизаветы Петровны. Свою службу начинал еще при цесаревне Елизавете, в пору, когда во времена императрицы Анны Леопольдовны она находилось в опале: был ее камер-юнкером и личным секретарем, участвовал в государственном перевороте при свержении Анны Леопольдовны (стоял позади саней, на которых в ночь на 25 декабря 1741 г. цесаревна Елизавета Петровна ехала в казармы Преображенского полка). После ее воцарения на престоле и провозг-

лашения императрицею Всероссийскою сделался камергером двора ее Величества, владельцем богатых поместий. В 1744 г. 30 лет отроду получил пост вице-канцлера, а в 1758 г. стал государственным канцлером.

Старший брат Роман Илларионович, отвозивший в заточение свергнутую императрицу Анну Леопольдовну, благодаря влиянию брата также занимал довольно видное положение при дворе Елизаветы Петровны: был сенатором и имел чин генерал-аншефа, Андреевский кавалер при Петре III, при Екатерине Великой – сначала в опале, а затем наместник Владимирской и Костромской губерний. От брака с Марией Ивановной Сурминой (1718-1745) имел пятерых детей. Это: Мария Романовна, вышедшая замуж за сенатора, графа П.А. Бутурлина; Елизавета Романовна, камер-фрейлина и кавалерственная дама двора Петра III, известная как его фаворитка; граф Александр Романович, президент (министр) Коммерц-коллегии при Екатерине Великой, а впоследствии – при Александре I – государственный канцлер; Екатерина Романовна, знаменитая княгиня Дашкова (в замужестве), с 1783 по 1796 гг. президент Российской Академии наук; и, наконец, граф Семен Романович Воронцов, знаменитый русский посол в Лондоне. Родился в Москве 2 июня 1744 г. Лишившись на втором году матери, вместе с другими братьями и сестрами фактически находился на обеспечении своего дяди – канцлера М.И. Воронцова, старавшегося дать им приличное воспитание и образование, и в доме которого будущая княгиня Дашкова получила возможность развить свои незаурядные способности, поставившие ее на уровень просвещеннейшей женщины России своего времени. Во время ее десятилетнего пребывания за границей (с 1769 по 1796 гг.) она встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. Именно в доме М. И. Воронцова произошла первая встреча еще 15-летней Екатерины Романовны с великой княгиней, будущей Екатериной Великой, которой, как пишет Е. Дашкова в своих «Записках», тогда «навсегда отдала свое сердце».

Сам граф С.Р. Воронцов первоначально получил «легкое французское обучение», но от своего дяди-канцлера и, в особенности, от своего старшего брата Александра, одного из образованнейших людей, «заразился страстью к чтению, которую сохранял в себе до глубокой старости».

9-летним мальчиком граф С. Р. Воронцов был принят в число пажей при дворе императрицы Елизаветы Петровны, а через 7 лет уже состоял в придворном чине кавалер-пажа. За неделю до предстоящего по уставу выпуска из камер-пажей в офицеры гвардии скончалась Елизавета Петровна, и новый император Петр III в знак своего благоволения к молодому кандидату на офицерский чин пожаловал новое при-

дворное звание камер-юнкера. Однако Семен Романович, с детства мечтавший о военной службе, добился замены придворного звания офицерским чином поручика и назначения в гренадерскую роту Преображенского полка. Кроме того, он упросил императора направить его к графу П.А. Румянцеву, командовавшему в то время русской армией в Померании, готовившейся к объявленному военному походу против Дании. Но отъезд в армию не состоялся из-за государственного переворота 28 июня 1761 г. В день, когда С.Р. Воронцов уже садился в экипаж, собираясь предварительно посетить Ораниенбаум – резиденцию Петра III, чтобы получить из рук императора предписания для графа Румянцева, разнеслась весть о том, что Измайловский полк уже присягнул на верность великой княгине Екатерине. «Мне было тогда всего 18 лет, я был нетерпелив, как француз и вспыльчив, как сицилиец, - писал С.Р. Воронцов в своей «Автобиографии». – Я пришел в невыразимую ярость от этой вести». Он спешит в свой полк в надежде вместе с другими офицерами подать другим полкам пример верности законному императору – внуку Петра Великого (Петр III был сыном старшей дочери Петра I). Однако провидение решило иначе. Гвардейцы Преображенского полка вслед за другими присягнули новой императрице Екатерине II. Петр III был свергнут, а сам С. Р. Воронцов был арестован.

Перемена царствования отразилась на положении семейства Воронцовых, особенно со стороны имущественных прав. За исключением княгини Е. Дашковой, находившейся в дни переворота возле своей венценосной подруги и старшего брата Александра, в то время возглавлявшего дипломатическую миссию в Англии, все остальные Воронцовы отказались присягнуть новой императрице. Некогда активный участник Елизаветинского переворота, канцлер граф М.И. Воронцов был подвергнут домашнему аресту; отец и сестра Елизавета были также арестованы и высланы из Петербурга.

Воронцовы лишились силы и влияния. Очевидно, что Екатерина II никогда не забывала всех обстоятельств своего воцарения и не видела для себя повода верить в сочувственное к себе расположение графов Воронцовых. В то же время со свойственным ей «государственным умом» она не стала полностью отстранять от дел не угодную ей лично, но «способную в служении Отечеству и уважаемую в обществе» семью Воронцовых. Она только держала их на расстоянии.

Старый канцлер М.И. Воронцов после смерти Петра III (скончавшегося вскоре после переворота при невыясненных обстоятельствах) продолжал еще некоторое время занимать свою должность, но играл уже роль более представительскую, чем деятельную, а затем и вовсе вышел в отставку.

Старший брат Александр во времена Екатерины II был видным сановником, оставаясь на дипломатической службе сначала в Англии, а затем возглавлял дипломатическую миссию в Вене. Однако императрица его не жаловала, хотя и не отказывала в своем внимании.

Отношение же ее к самому графу С.Р. Воронцову, как пишет его биограф, «носило постоянно тот же характер холодного уважения к личным достоинствам и довольно равнодушного признания его заслуг. Заслуги награждались, но без особой щедрости».

После проведенных со дня переворота 11 дней под арестом С.Р. Воронцову по велению Екатерины II была возвращена шпага и разрешено продолжить военную службу. Однако молодой впечатлительный граф не смог сразу примириться с новым порядком вещей. Он добился перевода из гвардии (которой не простил предательства) в армейский полк, а в 1766 г. в чине майора вышел в отставку. Правда, ненадолго, когда в 1768 г. Турция объявила войну России, С.Р. Воронцов высказал желание вновь вернуться на службу и тотчас отправился в действующую армию к П.А. Румянцеву. Известно, что сам Румянцев, питавший благоговейную преданность памяти Петра Великого и примкнувший к императрице Екатерине лишь после смерти свергнутого Петра III, проникся к молодому графу Воронцову взаимным уважением. Румянцев отдал под его командование один из гренадерских батальонов, который постоянно находился в авангарде действующей армии, участвуя не только в самих сражениях, но и в нескольких других операциях, где действовал один авангард. Так, за несколько дней до битвы при Ларге С.Р. Воронцов во главе отряда из 200 егерей успешно выбил с позиции до 3 тысяч турок, засевших в кустарнике вдоль всей линии фронта и обстреливавших русских солдат, «как уток», что крайне беспокоило лагерь. За участие же в самой битве при Ларге С.Р. Воронцов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Особенно отличился Семен Романович в Кагульском сражении, когда во главе своего батальона первым ворвался в одно из сильнейших турецких укреплений, взял его с боем, овладев 40 пушками и отбив два знамени Московского полка, за четверть часа перед тем разбитого турками. Эти отличия были отмечены Румянцевым в краткой, в 12 строк, реляции императрице на самом поле сражения. Как известно, за одержанную в Кагульской битве победу Румянцеву был пожалован чин фельдмаршала и титул Задунайского. Граф С.Р. Воронцов за боевые заслуги был отмечен Георгиевским Крестом 3-й степени и чином полковника.

Участвуя спустя 2 года в штурме турецкой крепости Силистрия, С.Р. Воронцов со своим полком, состоявшим из не более 600 чел., был окружен и атакован 10-тысячным отрядом турецкой конницы и отби-

вался, удерживая свои позиции, пока не подошло подкрепление. Однако доблестное поведение графа Воронцова не было отмечено никакой наградой. Только после заключения Кучук-Кайнарджийского мира (1774 г.), где Воронцову пришлось участвовать в редактировании статей трактата на итальянском языке (употреблявшемся тогда Портою в дипломатических актах), граф был произведен в бригадиры (в XVIII в. армейский чин выше полковничьего). Поистине, заслуги награждались, но без особой щедрости!

Очевидные несправедливости, связанные с задержками в повышении и наградах, создавали серьезные препятствия его карьерному росту на военном поприще, хлопотать же за себя не позволяли природные гордость и скромность. Эти качества личности графа С.Р. Воронцова отмечали многие близко знавшие его современники. Вот характеристика, которую дал Воронцову английский дипломат Дюшилью, в 1780-х гг. возглавлявший английскую миссию в Турции: «Я поистине не встречал человека, который бы соединял в себе столько блистательных свойств ума и любезных качеств, увенчанных скромностью и совершенным отсутствием тщеславия. Благородная наружность, учтивое ласковое обращение соединялось с горячим сердцем, возвышенным умом и редким благодушием». В подтверждение же своих слов Дюшилью приводит следующий рассказ: «Как-то на обеде у герцога Нертумберланда зашла речь о главной для России войне с Турцией, в особенности о сражении при Кагуле... Я спросил у графа Воронцова, был ли он в этом деле. Он очень просто и кратко ответил: "Да, был". Когда мы расходились, генерал Клинтон, который находился при русской армии в качестве волонтера, сказал нам: "Знаете ли вы, как он там был при Кагуле? Вся русская сила состояла в 18 тысячах, а у турков было 150 тысяч. Граф Воронцов повел атаку против сильных неприятельских укреплений, взял штурмом редут, и турецкая армия ретировалась в беспорядке. Победа была блистательная. Вот как Воронцов был при Кагуле!"».

Служебные перипетии, сильно подорванное четырехлетней военной походной жизнью здоровье, а также стесненное материальное положение – не очень большие средства (все поместья, изъятые у Воронцовых после переворота 1761 г., были возвращены лишь при Александре I), большей частью уходившие на содержание полка и поддержку бедных офицеров, окончательно укрепили его в решении оставить военную службу. В 1776 г. С.Р. Воронцов вышел в отставку в чине генерал-майора.

Последующие шесть лет, прежде чем судьба круто изменила его жизнь, определив на совершенно иной путь государственной деятельности, граф Воронцов жил поначалу достаточно уединенно, а в 1781 г.

женился на Екатерине Алексеевне, дочери адмирала Алексея Наумовича Синявина, кавалера орденов Андреевского и Владимирского 1-й степени. Вскоре в семье родился первенец – сын Михаил, а еще через год – дочь Екатерина. В 1783 г. указом императрицы Екатерины Великой граф С.Р. Воронцов был призван на дипломатическую службу – возглавить новое дипломатическое представительство в Венецианской республике, а в 1785 г. по его просьбе его переводят в том же ранге полномочного министра в Лондон, на место, которое некогда занимал его брат Александр. К этому времени овдовев (в 1784 г. жена умерла от чахотки), с двумя маленькими детьми С. Р. Воронцов переезжает в Англию, где в течение 20 лет успешно для России возглавляет дипломатическую миссию. Например, когда в 1789 г. возобновилась война с Турцией, Воронцов добился от английского правительства разоружения флота, уже снаряженного для помощи Порте, а позже возобновил торговый трактат России с Великобританией (1793 г.).

С воцарением императора Павла I С.Р. Воронцов был возведен в ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1799 г. ему была предложена вакансия государственного канцлера. Но подготовка к переезду в Россию совпала с болезнью дочери, в связи с чем Воронцов попросил отсрочить свой отъезд из Англии, а вскоре он получил разрешение остаться на прежнем посольском месте. Эту должность он сохранил и после вступления на престол императора Александра I до 1806 г., когда получил Высочайшее удовлетворение на свою просьбу об отставке и разрешение остаться в Англии. Дело в том, что к тому времени Семен Романович укрепил и личную связь со страной, где провел большую часть своей жизни, выдав свою дочь Екатерину Семеновну Воронцову замуж за одного из именитейших представителей английской аристократии – графа Лемброка-Монтгомери, лорда Герберта, генерал-лейтенанта Королевско-Британской армии и кавалера высшей британской награды – ордена Подвязки.

Живя постоянно за границей, мало общаясь со своими соотечественниками, граф С.Р. Воронцов остался русским человеком, верным православной вере и обычаям Родины. Он устраивал у себя званые обеды или банкеты, а сам соблюдал посты. После своей отставки он специально поселился в старинном, но бедном квартале Лондона, где находилась русская церковь, чтобы чаще в ней бывать; при выходе из церкви он всегда раздавал милостыню. Он первый внес 500 фунтов стерлингов, а за ним пошла подписка всей знати на устройство богадельни для престарелых лондонских бедняков. Позже в ее прихожей был установлен бюст С.Р. Воронцова с надписью, что он является основателем богадельни, а улица, ведущая к ней, называлась Woronzow road.

До глубокой старости граф Воронцов сохранял душевную бодрость и не прекращал умственных занятий. В самые последние дни жизни почти 90-летний старец, не желая ночью будить слугу, отправился в библиотеку, которая находилась ярусом выше. Оступившись, он упал с лестницы.

Умер С.Р. Воронцов 9 (21) июня 1832 г. в Лондоне. По его желанию был погребен недалеко от русской церкви. Прах его, по-видимому, до сих пор покоится в земле, хотя и близкой ему, но все-таки чужой для русского сердца и духа. Действительное признание этого человека заключается в его высшей и многогранной деятельности. Заслуги, оказанные графом С.Р. Воронцовым своему Отечеству, дают ему право на историческое имя.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко Станислав. Брат против брата. Киевские ведомости. № 176 (3562), 23 августа 2005.

Захарова Оксана. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, Бизнес-Информ, 2004.

Сто великих аристократов. М., Вече, 2003.

